

МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ТРАДИЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА**Виктория Владимировна СИНИЦЫНА**

аспирантка кафедры политической экономии,
 Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
 palochkinavika@mail.ru
 ORCID: отсутствует
 SPIN-код: отсутствует

История статьи:

Рег. № 670/2019
 Получена 21.10.2019
 Получена в доработанном виде 25.11.2019
 Одобрена 11.12.2019
 Доступна онлайн
 28.02.2020

УДК 338.1**JEL:** H40, I18, I28, I31**Аннотация**

Предмет. Реализация социально ориентированного развития в Российской Федерации и в странах традиционных моделей социального государства.

Цели. Провести на основе социально-экономических показателей (ежегодный средний рост валового внутреннего продукта, неравенство, безработица, миграция, доля налоговых поступлений в валовом внутреннем продукте, показатели в области образования и здравоохранения) сравнительный анализ традиционных моделей социального государства и Российской Федерации, выявить особенности социально ориентированного развития Российской Федерации.

Методология. Использованы методы статистического анализа, сравнительного анализа и графической интерпретации статистических данных.

Результаты. Выявлены схожие тенденции социального развития традиционных моделей социального государства, нацеленность государственной политики на предоставление, по крайней мере, минимальных социальных гарантий, всеобщий охват и отсутствие разделения в предоставлении социального обеспечения по территориальному или классовому признаку, использование системы социального страхования, повышение доступности и расширение охвата обеспечения качественными социальными услугами. В то же время обозначены различия традиционных моделей социального государства, связанные с исторически сложившимися принципами ведения социальной политики, уровнем декоммодификации, обусловленные современным экономическим развитием.

Выводы. Сравнительный анализ традиционных моделей социального государства позволил выявить наличие элементов рассмотренных моделей в модели социально ориентированного развития России, а также обозначить направления дальнейшей работы на повышение социально-экономических показателей, в том числе отражающих повышение продолжительности и качества жизни граждан, увеличение охвата и совершенствование качества предоставляемых социальных услуг, снижение неравенства, обеспечение высоких темпов экономического роста, обновление материально-технической базы, подготовку высококвалифицированных кадров.

Ключевые слова:

социально ориентированное развитие, модель социального государства, социальная политика, образование, здравоохранение

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2019

Для цитирования: Синицына В.В. Модель социально ориентированного развития Российской Федерации на основе сравнительного анализа традиционных моделей социального государства // *Экономический анализ: теория и практика*. – 2020. – Т. 19, № 2. – С. 310 – 324.
<https://doi.org/10.24891/ea.19.2.310>

Ориентация на индивида, реализацию его возможностей и удовлетворение потребностей в процессе прогнозирования направлений мирового развития, ведет к целесообразности признания взаимного межстранового и межпоколенного влияния, при котором конфликты, неравенство, бедность в одном государстве обязательно отразятся на жизни и развитии мирового сообщества, а настоящее поколение закладывает предпосылки формирования качества жизни для будущих поколений, что ведет к необходимости

реализации принципов солидарности и взаимной ответственности. Социально ориентированное развитие нацелено на обеспечение достойного уровня жизни каждому члену общества, снижение неравенства, возникающего как при наличии различных врожденных данных, так и в связи с существующей в обществе дискриминацией, создание условий равного доступа к реализации возможностей развития.

Термин «социальное государство», употребленный в XIX в. немецким ученым Лоренцом фон Штейном [1], подчеркивал нацеленность государства на прогресс каждого гражданина, что в итоге предполагает развитие всего общества и государства. Повестка развития, как отмечал Б. Койель [2], должна быть благоприятной по отношению к людям, принимая в расчет многочисленные аспекты развития, в том числе экономическую составляющую, охрану окружающей среды, социально-экономическое расширение возможностей. Традиционно на основании выделения типов государства всеобщего благосостояния в зависимости от вариации исторического развития западных стран, произведенного в 1990 г. Г. Эспинг-Андерсоном [3], выделяются три классические теоретические модели: англосаксонская или либеральная модель, франко-германская или консервативно-корпоративистская модель, скандинавская или социально-демократическая модель.

Англосаксонская (либеральная) модель основана на личной ответственности граждан за собственное материальное обеспечение. Данная модель распространена в США, Великобритании, Канаде, Австралии. Либеральный тип характеризуется развитой системой социального страхования. Рассматриваемая модель, как отмечает Дж. Доу [4], характеризуется предоставлением пособий по принципу нуждаемости, адресным характером оказываемой помощи. Низкий уровень декоммодификации, обеспечения вне рынка, предполагает стимулирование самообеспечения индивидов посредством

рыночных механизмов, развитие предпринимательского и творческого потенциала и, как подчеркивает В.В. Парамонов [5], поддержку государством «частных социальных инициатив».

Франко-германская (консервативно-корпоративистская) модель социального государства характерна для стран Западной Европы. Она реализуется в Германии, Франции, Бельгии, Австрии. В этих странах степень предоставления государственной поддержки зависит от профессиональной деятельности индивида [6]. Задача государства заключается, согласно Л.Н. Беспаловой [7], в оказании содействия союзам работодателей и работников в области создания и функционирования институтов профессиональной поддержки. В консервативно-корпоративистской модели государство обеспечивает условия деятельности экономических агентов для формирования равенства стартовых возможностей индивидов, их прав и свобод.

Скандинавская (социально-демократическая) модель социального государства получила широкое распространение в Швеции, Финляндии, Норвегии и Дании. Отличительная черта скандинавской модели, как подчеркивает М. Андерсен [8], в том, что базовые меры социального обеспечения являются установленным правом гражданина, а финансирование осуществляется коллективно путем налогообложения. Данный тип социального государства предполагает распространение принципов декоммодификации и универсализма. В исследовании В. Корпи и Й. Пальме [9] отмечено, что использование универсальных программ повышения благосостояния граждан, в сравнении с целевыми программами, способствует большей общественной поддержке социального государства в связи с направленностью на поддержание определенного уровня жизни всему населению. В странах социально-демократической модели государство, как отмечают Е.В. Охотский и В.А. Богучарская

[10], рассматривает сближение жизненных возможностей граждан и их доходов как условие для реализации всей полноты гражданских, политических, социальных и экономических прав.

Теория социального государства основывается [11] на общественно-политическом и правовом упорядочении жизни общества на принципах гуманизма, гарантии конституционных прав и свобод, формировании условий в целях развития гражданского общества на принципах социальной солидарности. Реализация социально ориентированного развития в существенной степени опирается на состояние экономики, закладывающее предпосылки осуществления инвестиций в социальную сферу. В то же время, как отмечают И.В. Соболева и Т.В. Чубарова [12], «продукт социальных отраслей обладает самостоятельной ценностью, представляет собой инвестиции в человека, способные приносить экономическую отдачу». Динамика ежегодного среднего роста ВВП для традиционных моделей социального государства и для России представлена на рис. 1.

Традиционные модели социального государства характеризуются схожими тенденциями и направлениями изменения ежегодного среднего роста ВВП. Постепенное увеличение показателя сменилось падением для традиционных моделей социального государства и для России, связанным с мировым кризисом. Пик отрицательной динамики был достигнут в 2009 г., когда среднее падение показателя в рассматриваемых моделях составило 3,5%, а для России оно было равно 7,8%. В 2018 г. ни одной из рассматриваемых моделей не удалось достичь докризисного уровня. Максимальным значением показателя в 2018 г. характеризуется либеральная модель социального государства (наибольшие значения составляют 2,9% – для США и 2,8% – для Австралии). Для Российской Федерации в 2016–2018 гг. наметилась положительная

тенденция и по итогам 2018 г. значение показателя составило 2,3%.

Снижение неравенства, обеспечение равного доступа к реализации возможностей развития являются целевыми факторами политики социального государства. Состояние неравенства, данные о безработице и миграционных процессах в традиционных моделях социального государства и в России представлены в табл. 1.

Большое значение уровня соотношения доходов отмечено экономистом Г.В. Колодко [13], который подчеркивал, что «экономический рост имеет более устойчивый характер в странах с относительно низкой степенью неравномерности в распределении доходов». Среди рассматриваемых моделей социального государства наиболее равномерным распределением доходов характеризуется социально-демократическая модель, реализация которой сопровождается государственным перераспределением благ, что в результате сглаживает проблему социального неравенства. Для либеральной модели социального государства, которая характеризуется наименьшим уровнем декоммодификации, можно отметить наиболее существенный уровень неравенства. В России индекс Джини равен 37,7%, что превышает средние значения традиционных моделей социального государства.

Наиболее существенное значение показателя чистой миграции отмечается в странах либеральной модели социального государства. Среди стран – представительниц данной модели лидером по рассматриваемому показателю являются США. Однако при оценке данных необходимо учитывать, что численность населения в рассматриваемых моделях социального государства существенно различается. Соотношение показателя чистой миграции и численности населения страны демонстрирует, что в среднем в традиционных моделях социального государства показатель составляет 1,6%. Наиболее существенная доля (1,8%) – в социально-демократической модели

социального государства. В Российской Федерации этот показатель ниже уровня традиционных моделей социального государства и составляет 0,6%.

Безработица в среднем в мире в 2018 г. составила 5%. В России она находилась ниже уровня среднего мирового значения – 4,7%. Для рассматриваемых моделей в среднем значение показателя составило 5,5%. Минимальное значение показателя составило 4,8% для либеральной модели. Максимальное значение было равно 5,9% для консервативно-корпоративистской модели, для которой самым большим значением характеризовалась Франция с уровнем безработицы 9,2%.

Доля налоговых поступлений в ВВП в среднем в мире в 2017 г. составляла 15,4%. Наибольшую часть ВВП налоговые поступления составляют в странах, реализующих социально-демократическую модель социального государства, для которой в среднем в 2017 г. показатель составил 26,1%¹. В то же время данная модель характеризуется наименее существенным уровнем неравенства, что может являться свидетельством, как отмечают в своей работе А.А. Пороховский и К.А. Хубиев [14], достижения социальной защищенности посредством перераспределительного метода через высокие налоги. В своем исследовании М. Цвайерс и Ф. Костер [15] отмечают, что в государствах с высокими социальными расходами, таких как Швеция, Дания, шансы на бедность довольно низкие. В консервативно-корпоративистской и либеральной моделях социального государства налоговые поступления составили 21,1% и 18,1% ВВП соответственно. Для России значение показателя в 2017 г. было равно 10,3% ВВП, что ниже значений для стран, относимых к традиционным моделям социального государства.

Важным фактором сохранения и развития конкурентоспособности страны является соответствие социального, экономического и

технического развития требованиям, предъявляемым информационной экономикой на фоне перехода на новый технологический уклад, опирающийся на однородные ресурсы, в том числе общие ресурсы квалифицированной рабочей силы [16]. Социальная политика в широком смысле подразумевает, как отмечено И.А. Савченко [17], формирование условий для полноценного становления и развития личности, затрагивая не только направления государственного социального страхования и обеспечения, но также сферы здравоохранения, образования, культуры, спорта. В табл. 2 представлены сравнительные характеристики показателей в области образования для традиционных моделей социального государства и для России.

Мировой уровень населения, обладающего как минимум средним образованием, составил в 2017 г. 66,5%. В среднем в странах с традиционными моделями социального государства значение показателя было равно 92,3%. Максимальное значение показателя среди стран с рассматриваемыми моделями социального государства составило 93,7% для социально-демократической модели. Уровень показателя в России составил 95,6%, что превышает средний мировой уровень и средние значения показателей для традиционных моделей социального государства. В то же время по показателю среднего количества лет обучения Россия характеризуется значением ниже значений рассматриваемых моделей социального государства, превышая только показатели для Франции и Бельгии, относимых к консервативно-корпоративистской модели. Максимальным значением показателя характеризуется либеральная модель.

В 2017 г. валовой коэффициент охвата средним образованием в мире составил 79%. Максимальное значение показателя среди стран рассматриваемых моделей социального государства отмечается в Бельгии, в которой валовой коэффициент охвата средним образованием был равен 164%. Близкими по

¹ Авторские расчеты по данным Всемирного банка.

значению показателя к России, где он равен 105%, являются показатели стран консервативно-корпоративистской модели социального государства: Германии (101%) и Австрии (101%). Высшим образованием в мировом масштабе в среднем охвачено только 36% населения. В среднем в рассматриваемых моделях социального государства коэффициент охвата равен 75,3%. Наиболее существенные значения показателя наблюдаются для либеральной модели в Австралии (100%), для социально-демократической модели в Финляндии (87%) и для консервативно-корпоративистской модели в Австрии (83%).

Наряду с формированием навыков и квалификации в образовательных учреждениях здоровье индивида является одним из основных конкурентных преимуществ для ведения активной жизни, увеличения периода трудовой деятельности, повышения трудоспособности. В табл. 3 представлены сравнительные характеристики показателей в области здравоохранения для стран с традиционными моделями социального государства и для России.

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в среднем для рассматриваемых моделей в 2017 г. составила 81,7 года, что выше среднего мирового значения, равного 72,2 года. Нижняя граница показателя среди стран консервативно-корпоративистской модели составила 81,2 года для Германии, для социально-демократической модели – 80,9 года для Дании и для либеральной модели – 79,5 года для США. Значение показателя для России, составляя 71,2 года, ниже, чем для всех стран, относящихся к рассматриваемым моделям социального государства. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Российской Федерации характеризуется постепенным повышением как для мужского, так и для женского населения. Ожидаемая продолжительность жизни женщин превышает ожидаемую продолжительность

жизни мужчин в период 2000–2017 гг. в среднем на 18,2%. По данным 2017 г. ожидаемая продолжительность жизни женщин составила 77,6 года, ожидаемая продолжительность жизни мужчин – 67,5 года.

В среднем для стран традиционных моделей социального государства общий коэффициент рождаемости в 2016 г. составил 11,1 рожденных живыми детей на 1 тыс. чел. Наиболее существенными значениями коэффициента характеризуются страны либеральной модели. В то же время либеральная модель характеризуется наиболее высоким значением младенческой смертности. В России как общий коэффициент рождаемости, так и коэффициент младенческой смертности превышают значения соответствующих коэффициентов в странах с традиционными моделями социального государства. Смертность мужчин значительно превышает смертность женщин. В среднем в рассмотренных моделях социального государства мужская смертность составляет 88,1 чел. на 1 000 мужчин, женская смертность в среднем равна 50,8 чел. на 1 000 женщин. Наименьшим уровнем смертности среди взрослого и детского населения характеризуется социально-демократическая модель.

Анализ критериев социально-экономического развития традиционных моделей социального государства выявил наличие схожих черт, свидетельствующих об ориентированности моделей на обеспечение высокого уровня благосостояния населения, и позволил обозначить различия в социальной политике стран рассматриваемых моделей, влияющие на выбор механизма перераспределения доходов, на неравенство населения, миграционные процессы.

В области образования и здравоохранения традиционные модели социального государства нацелены на повышение охвата населения и предоставление качественных услуг, что отражается на охвате населения образовательными программами и высоких показателях ожидаемой продолжительности

жизни при рождении. Однако традиционные модели социального государства характеризуются различными достижениями в обозначенных областях. Либеральная модель в области образования занимает наиболее высокие позиции по среднему количеству лет обучения, в области здравоохранения она характеризуется наиболее высоким значением общего коэффициента рождаемости. Консервативно-корпоративистская модель в области здравоохранения характеризуется вместе с социально-демократической моделью социального государства наибольшей продолжительностью жизни при рождении, а также наиболее существенной обеспеченностью медицинским персоналом в расчете на 10 тыс. чел. Социально-демократическая модель лидирует в области образования по показателям доли населения, обладающего средним и высшим образованием. В то же время в этой модели минимальны младенческая смертность и смертность среди взрослого населения обоих полов.

Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это закреплено Конституцией Российской Федерации (ст. 7). Долгосрочное социально-экономическое развитие страны, реализация социально ориентированного типа развития требует обеспечения высоких стандартов личной безопасности, доступности услуг образования и здравоохранения, необходимого уровня обеспеченности жильем, доступа к культурным благам и экологической безопасности². Результаты сравнительного анализа аспектов социально-экономического развития стран традиционных моделей социального государства и России представлены в табл. 4.

Среди национальных целей развития Российской Федерации, достижение которых

предусмотрено Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обозначены: вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира; обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности; повышение ожидаемой продолжительности жизни; обеспечение устойчивого естественного роста численности населения; снижение уровня бедности; создание в базовых отраслях экономики высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, обеспеченного высококвалифицированными кадрами.

Анализ динамики показателя ежегодного среднего роста ВВП позволил выявить однонаправленные тренды для стран с традиционными моделями социального государства и для Российской Федерации, отражая наиболее существенное влияние кризиса на экономику России, а также свидетельствуя о наличии положительного тренда, который в настоящее время не привел к достижению докризисных значений. По уровню неравенства населения Россия ближе всего к либеральной модели социального государства, характеризующейся наиболее высокими показателями неравенства среди стран с традиционными моделями социального государства. Однако нужно отметить тенденцию к постепенному снижению индекса Джини в России после достижения им в 2007 г. значения 42,3%. В то же время доля налоговых поступлений в ВВП в Российской Федерации существенно ниже минимального значения для традиционных моделей (18,1% для либеральной модели). Согласно мониторингу экономической ситуации [18], рассчитанному на основе оперативных данных Федерального казначейства, налоговые доходы в федеральном бюджете в 2017 г. составили 14,6%, в 2018 г. – 17% ВВП. Можно также говорить о низком значении минимального размера оплаты труда, составляющего 9 489

² О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р.

руб., что не достигает величины прожиточного минимума, равного 10 088 руб.³.

Ожидаемая продолжительность жизни населения в России ниже, чем в странах с традиционными моделями социального государства, однако характеризуется тенденцией к постепенному повышению (с 65,3 года в 2000 г. до 71,2 года в 2017 г.). Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» обозначены целевые ориентиры по постепенному росту данного показателя до 78 лет к 2024 г. В то же время в России наблюдается наибольшее значение общего коэффициента рождаемости, превышающее значения традиционных моделей социального государства, но одновременно и наибольшая младенческая смертность. Продолжительный период превышения смертности над рождаемостью, постепенный рост населения в возрасте старше 65 лет, процент которого в общей численности населения страны возрос в 2018 г. по сравнению с 2000 г. на 2,2 п.п., повышение ожидаемой продолжительности жизни при рождении накладывают дополнительные обязательства по обеспечению пожилого населения. В области образования по показателю средней продолжительности обучения, а также по показателю охвата средним образованием Россия отстает от показателей традиционных моделей социального государства, в то время как по значению показателя охвата высшим образованием – превышает средние значения традиционных моделей социального государства.

Социальная защита в Российской Федерации реализуется посредством системы социального страхования, предусматривающей отчисления в фонды. Тарифы страховых взносов в 2017–2020 гг. составляют: обязательное пенсионное страхование в размере 22%, обязательное

медицинское страхование – 5,1%, отчисления по временной нетрудоспособности и в связи с материнством – 2,9%⁴. Также исчисляется взнос на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, в зависимости от присвоенного каждой организации класса профессионального риска. Для индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации применяются фиксированные страховые взносы, размер которых определяется в зависимости от объема годового дохода предпринимателя.

На основе анализа теоретических исследований в области социального государства, а также показателей социально-экономического развития страны рассмотрим особенности построения модели социального государства применительно к современной России. Российские экономисты А.В. Бузгалин и А.И. Колганов в рамках своего исследования российской экономической системы отмечают, что для современной России типичны мутации многообразных форм социализации, характерных для советской экономики [19]. Отметим, что наряду с наследием советского периода в области социальной политики, которое в большей степени подходит под определение социально-демократического режима благосостояния, происходит синтез элементов консервативного и либерального режимов социального государства. В Российской Федерации функционирует система социального страхования, гражданам предоставляются социальные пособия, включающие обеспечение нетрудоспособного и трудоспособного населения, поддержку детства и семьи, медицинское обеспечение, образование всех уровней, включая высшее, которое предоставляется на конкурсной основе за счет бюджетных средств. Данные факторы приближают Россию к социально-демократической модели социального государства. В отношении поддержания профессиональных союзов работников на предприятиях Россия применяет методы

³ Российский статистический ежегодник. 2018. М.: Росстат, 2018. 694 с.

⁴ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая). Ст. 426.

консервативно-корпоративистской модели социального государства. Развитие финансирования социальных расходов с привлечением частных страховых фондов, использование аутсорсинга в рамках попыток повышения эффективности исполнения социальных функций государства обнаруживают элементы либеральной модели социального государства.

Страны, опирающиеся на социально ориентированную модель развития, считают основным вектором деятельности повышение благосостояния граждан и нацелены на реализацию сбалансированной политики в области социального обеспечения и инновационного экономического роста с учетом достигнутого уровня социально-экономического развития. Например, Р. Фримен [20] в своем исследовании подчеркивает, что не существует закона единой структуры, многообразие является естественным, ценовая система сохраняет

институциональное разнообразие так же, как сохраняет разнообразие продуктов.

На современном этапе можно говорить о наличии в Российской Федерации смешанной модели социального государства, в которой обнаруживаются черты различных традиционных моделей. Поставленные задачи повышения продолжительности жизни, удовлетворенности населения качеством оказываемых услуг, увеличения охвата населения образованием и здравоохранением в условиях сохранения тенденций к всеобщему обеспечению базовыми социальными услугами оказываются под влиянием продолжающихся процессов старения населения, необходимости повышения величины прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, нацеленности на повышение рождаемости, снижения возраста рождения первого ребенка, что требует полномасштабной реализации экономического потенциала страны.

Таблица 1

Неравенство, миграция и безработица в странах традиционных моделей социального государства и в России

Table 1

Inequality, migration and unemployment in the Social-Welfare-State-Traditional-Model countries and Russia

Показатель	ЛМ	КК	СД	Россия
Индекс Джини (2015 г.), %	36,1	30,7	28	37,7
Соотношение доходов богатейших 10% и беднейших 10% населения (2015 г.)	11,2 раза	7,7 раза	6,5 раза	10,6 раза
Безработица (2018 г.), % рабочей силы	4,8	5,9	5,8	4,7
Чистая миграция (2017 г.), тыс. чел.	1 837,5	647,5	121,5	800
Доля показателя чистой миграции в общей численности населения страны, %	1,6	1,5	1,8	0,6

Примечание. ЛМ – либеральная модель; КК – консервативно-корпоративистская модель; СД – социально-демократическая модель.

Источник: данные Всемирного банка

Source: The World Bank data

Таблица 2

Показатели в области образования для стран традиционных моделей социального государства и для России в 2017 г.

Table 2

Indicators of education for the *Social-Welfare-State-Traditional-Model* countries and Russia in 2017

Модель, страна	Среднее количество лет обучения	Население в возрасте от 25 лет, обладающее как минимум средним образованием, %	Валовой коэффициент охвата населения в соответствующем возрасте образованием, %	
			средним	высшим
Либеральная	13,1	92,1	122,3	75,8
Консервативно-корпоративистская	12,4	91	119,3	72,3
Социально-демократическая	12,5	93,7	133,8	77,8
Россия	12	95,6	105	82
Все страны	8,4	66,5	79	36

Источник: Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update; The World Bank data

Source: Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update; The World Bank data

Таблица 3

Показатели в области здравоохранения для стран с традиционными моделями социального государства и для России

Table 3

Health indicators for the *Social-Welfare-State-Traditional-Model* countries and Russia

Модель, страна	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (2017 г.), лет	Общий коэффициент рождаемости на 1 000 чел.	Смертность, чел.		
			младенцев (на 1 000 рожденных живыми)	мужчин на 1 000 чел. (2015 г.)	женщин на 1 000 чел. (2015 г.)
Либеральная	81,7	11,9	4,2	93,9	57,7
Консервативно-корпоративистская	81,8	10,5	3,1	91,8	49,9
Социально-демократическая	81,8	10,9	2,5	78,7	44,7
Россия	71,2	12,9	6,6	321,8	120,4
Все страны	72,2	18,9	29,9	173	115

Источник: Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update; The World Bank data

Source: Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update; The World Bank data

Таблица 4

Результаты сравнительного анализа социально-экономического развития стран с традиционными моделями социального государства и России

Table 4

The results of comparative analysis of socio-economic development of the *Social-Welfare-State-Traditional-Model* countries and Russia

Показатель	ЛМ	КК	СД	Россия
Ежегодный средний рост ВВП, %	2,24	1,83	1,89	2,25
Индекс Джини, %	36,1	30,7	28,0	37,7
Доля налоговых поступлений в ВВП, %	18,1	21,1	26,1	10,3
Средняя продолжительность обучения, лет	13,1	12,4	12,5	12
Население, обладающее как минимум средним образованием, %	92,1	91	93,7	95,6
Охват высшим образованием населения соответствующей возрастной группы, %	75,8	72,3	77,8	82
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет	81,7	81,8	81,8	71,2
8. Общий коэффициент рождаемости	11,9	10,5	10,9	12,9
9. Смертность младенцев на 1 000 рожденных живыми, чел	4,2	3,1	2,5	6,6

Примечание. ЛМ – либеральная модель; КК – консервативно-корпоративистская модель; СД – социально-демократическая модель.

Источник: Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update; The World Bank data

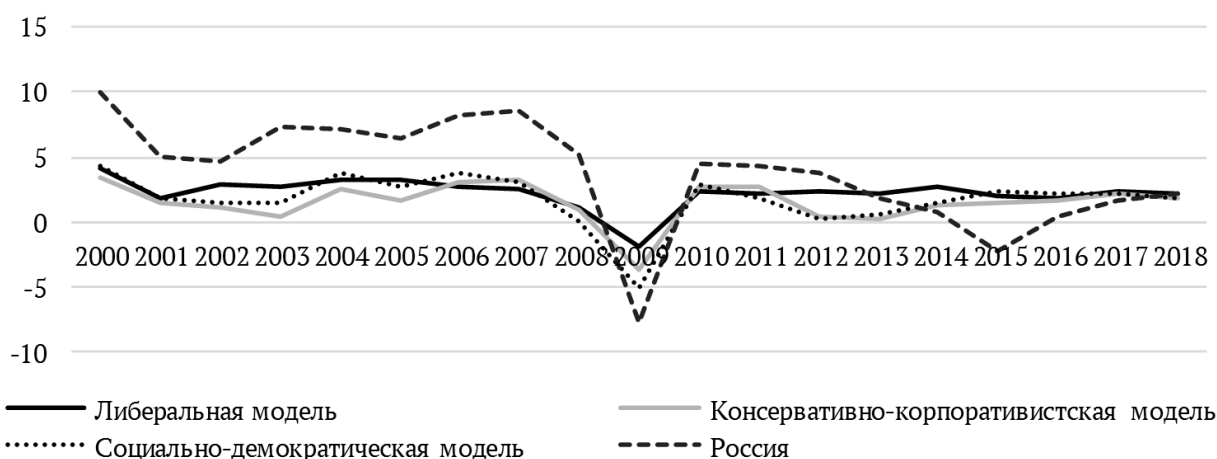
Source: Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update; The World Bank data

Рисунок 1

Динамика показателя ежегодного среднего роста ВВП в 2000–2018 гг., %

Figure 1

Trends in the average annual growth rate of GDP in 2000–2018, percentage

Источник: данные Всемирного банка

Source: The World Bank data

Список литературы

1. Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // *Философия и общество*. 2008. № 3. С. 69–79. URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130203/>
2. Koyel B. Development as Change in a Neo-Liberal World: An Overview. *Journal of Political Sciences and Public Affairs*, 2017, vol. 5, iss. 3. URL: <https://doi.org/10.4172/2332-0761.1000287>
3. Gøsta Esping-Andersen. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1990, 248.
4. Dow G. The Swedish Model and the Anglo-Saxon Model: Reflections on the Fate of Social Democracy in Australia. *Economic and Industrial Democracy*, 1991, vol. 12, iss. 4, pp. 515–526. URL: <https://doi.org/10.1177/0143831X91124006>
5. Парамонов В.В. Модель социальной политики России: сравнительный анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2016. № 1. С. 20–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-sotsialnoy-politiki-rossii-sravnitelnyy-analiz/viewer>
6. Палочкина В.В. Многоканальное финансирование инвестиций в развитие человеческого потенциала в различных моделях социального государства // *Философия хозяйства*. 2016. № 3. С. 105–115. URL: <https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x78/x87/30855/file/fh3%28105%29.pdf>
7. Беспалова Л.Н. Социальная политика Отто фон Бисмарка // *Известия Алтайского государственного университета*. 2011. № 4-2. С. 229–233. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-otto-fon-bismarka/viewer>
8. Andersen T.M. Challenges to the Scandinavian Welfare Model. *European Journal of Political Economy*, 2004, vol. 20, iss 3, pp. 743–754. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2004.02.007>
9. Korpi W., Palme J. The Paradox of Redistribution and Strategies of Equality: Welfare State Institutions, Inequality, and Poverty in the Western Countries. *American Sociological Review*, 1998, vol. 63, iss. 5, pp. 661–687. URL: <https://doi.org/10.2307/2657333>
10. Охотский Е.В., Богучарская В.А. Социальное государство и социальная политика современной России: ориентация на результат // *Труд и социальные отношения*. 2012. № 5. С. 30–44. URL: http://id.atiso.ru/files/journal_05_2012.pdf
11. Кадомцева С.В. Финансовое обеспечение социальной политики и состояние экономики // *Социальная политика и социальное партнерство*. 2012. № 1. С. 6–11.
12. Соболева И.В., Чубарова Т.В. Социальная политика в России – контуры новой модели. М.: Институт экономики РАН, 2017. 45 с.
13. Гринберг Р.С. Прагматизм общей экономической теории (по поводу книги Гжегожа Колодко «Куда идет мир: политическая экономия будущего») // *Российский экономический журнал*. 2015. № 2. С. 105–115.
14. Пороховский А.А., Хубиев К.А. Формирование российской модели социальной рыночной экономики // *Вестник Московского университета. Сер. 6: Экономика*. 2005. № 4. С. 3–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-rossiyskoy-modeli-sotsialnoy-rynochnoy-ekonomiki/viewer>

15. *Zwiers M., Koster F.* The Local Structure of the Welfare State: Uneven Effects of Social Spending on Poverty within Countries. *Urban Studies*, 2015, vol. 52, iss. 1, pp. 87–102.
URL: <https://doi.org/10.1177/0042098014523688>
16. *Глазьев С.Ю.* Теория долгосрочного технико-экономического развития. М.: ВлаДар, 1993. 310 с.
17. *Савченко И.А.* Модель социальной политики современной России // *Инновационная наука*. 2016. № 3. С. 192–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-sotsialnoy-politiki-sovremennoy-rossii>
18. *Дробышевский С., Ляшок В., Павлов П. и др.* Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2019. № 3.
URL: https://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2019_9-92_June.pdf
19. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Российская экономическая система: специфика отношений собственности и внутрикорпоративного управления // *Проблемы теории и практики управления*. 2014. № 10. С. 8–17.
20. *Freeman R.B.* War of the Models: Which Labour Market Institutions for the 21st Century? *Labour Economics*, 1998, vol. 5, iss. 1, pp. 1–24. URL: [https://doi.org/10.1016/S0927-5371\(98\)00002-5](https://doi.org/10.1016/S0927-5371(98)00002-5)

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

A MODEL OF SOCIALLY ORIENTED DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION BASED ON A COMPARATIVE ANALYSIS OF TRADITIONAL MODELS OF THE SOCIAL WELFARE STATE**Viktoriya V. SINITSYNA**Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
palochkinavika@mail.ru
ORCID: not available**Article history:**Article No. 670/2019
Received 21 October 2019
Received in revised form
25 November 2019
Accepted 11 December 2019
Available online
28 February 2020**JEL classification:** H40, I18,
I28, I31**Keywords:** socially oriented
development, social welfare
State, social policy, education,
healthcare**Abstract****Subject** The article addresses the implementation of socially oriented development in the Russian Federation and in the countries with traditional models of the social welfare State.**Objectives** The aim is to perform a comparative analysis of traditional models of the social welfare State and the Russian Federation on the basis of socio-economic indicators (annual average growth in gross domestic product, inequality, unemployment, migration, the share of tax revenues in gross domestic product, indicators in the sphere of education and healthcare), and reveal the specifics of socially oriented development of the Russian Federation.**Methods** The study employs methods of statistical analysis, comparative analysis, and graphic interpretation of statistics.**Results** The study unveils similar trends in the social development that exist in traditional models of the social welfare State, the focus of public policy on providing at least minimal social guarantees, the use of social insurance, and extended accessibility of quality social services. It also emphasizes differences that are connected with historical principles of social policy, the level of decommodification due to modern economic development.**Conclusions** The comparative analysis enabled to identify the presence of elements of considered models in the model of socially oriented development of Russia and directions of further measures for increasing socio-economic indicators, including the increase in life expectancy and quality of life for citizens, improvement of the quality of social services, reduction of inequality, promotion of high rates of economic growth, renovation of equipment and facilities, and training highly qualified specialists.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2019

Please cite this article as: Sinitsyna V.V. A Model of Socially Oriented Development of the Russian Federation Based on a Comparative Analysis of Traditional Models of the Social Welfare State. *Economic Analysis: Theory and Practice*, 2020, vol. 19, iss. 2, pp. 310–324.
<https://doi.org/10.24891/ea.19.2.310>**References**

1. Kochetkova L.N. [Lorenz von Stein's theory of welfare State]. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2008, no. 3, pp. 69–79.
URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130203/> (In Russ.)
2. Koyel B. Development as Change in a Neo-Liberal World: An Overview. *Journal of Political Sciences and Public Affairs*, 2017, vol. 5, iss. 3. URL: <https://doi.org/10.4172/2332-0761.1000287>
3. Gøsta Esping-Andersen. *The Three Worlds of Welfare Capitalism*. Princeton, N.J., Princeton University Press, 1990, 248 p.
4. Dow G. The Swedish Model and the Anglo-Saxon Model: Reflections on the Fate of Social Democracy in Australia. *Economic and Industrial Democracy*, 1991, vol. 12, iss. 4, pp. 515–526.
URL: <https://doi.org/10.1177/0143831X91124006>

5. Paramonov V.V. [The Model of Social Policy in Russia: Comparative Analysis]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie* = *RUDN Journal of Public Administration*, 2016, no. 1, pp. 20–30.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-sotsialnoy-politiki-rossii-sravnitelnyy-analiz/viewer> (In Russ.)
6. Palochkina V.V. [Multi-Channel Financing of Investment in Human Potential in the Various Models of the Welfare State]. *Filosofiya khozyaistva*, 2016, no. 3, pp. 105–115.
URL: <https://www.econ.msu.ru/ext/lib/Category/x78/x87/30855/file/fh3%28105%29.pdf> (In Russ.)
7. Bespalova L.N. [Otto von Bismarck's Social Policy]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Izvestiya of Altai State University*, 2011, no. 4-2, pp. 229–233.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-politika-otto-fon-bismarka/viewer> (In Russ.)
8. Andersen T.M. Challenges to the Scandinavian Welfare Model. *European Journal of Political Economy*, 2004, vol. 20, iss 3, pp. 743–754. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2004.02.007>
9. Korpi W., Palme J. The Paradox of Redistribution and Strategies of Equality: Welfare State Institutions, Inequality, and Poverty in the Western Countries. *American Sociological Review*, 1998, vol. 63, iss. 5, pp. 661–687. URL: <https://doi.org/10.2307/2657333>
10. Okhotskii E.V., Bogucharskaya V.A. [The social State and social policy of modern Russia: result orientation]. *Trud i sotsial'nye otnosheniya* = *Labor and Social Relations*, 2012, no. 5, pp. 30–44. URL: http://id.atiso.ru/files/journal_05_2012.pdf (In Russ.)
11. Kadomtseva S.V. [Financial support for social policy and economy]. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo* = *Social Policy and Social Partnership*, 2012, no. 1, pp. 6–11. (In Russ.)
12. Soboleva I.V., Chubarova T.V. *Sotsial'naya politika v Rossii – kontury novoi modeli* [Social policy in Russia – the contours of a new model]. Moscow, IE RAS Publ., 2017, 45 p.
13. Grinberg R.S. [Pragmatism of General Economics (On Grzegorz Kolodko book "Where Is World Moving: Political Economics of the Future")]. *Rossiiskii ekonomicheskii zhurnal* = *Russian Economic Journal*, 2015, no. 2, pp. 105–115. (In Russ.)
14. Porokhovskii A.A., Khubiev K.A. [Building a Russian model of social market economy]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6: Ekonomika* = *Moscow University Economics Bulletin*, 2005, no. 4, pp. 3–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-rossiyskoy-modeli-sotsialnoy-rynochnoy-ekonomiki/viewer> (In Russ.)
15. Zwiers M., Koster F. The Local Structure of the Welfare State: Uneven Effects of Social Spending on Poverty Within Countries. *Urban Studies*, 2015, vol. 52, iss. 1, pp. 87–102.
URL: <https://doi.org/10.1177/0042098014523688>
16. Glaz'ev S.Yu. *Teoriya dolgosrochnogo tekhniko-ekonomicheskogo razvitiya* [Theory of long-term technical and economic development]. Moscow, VlaDar Publ., 1993, 310 p.
17. Savchenko I.A. [The model of social policy in modern Russia]. *Innovatsionnaya nauka* = *Innovation Science*, 2016, no. 3, pp. 192–195.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-sotsialnoy-politiki-sovremennoy-rossii> (In Russ.)
18. Drobyshevskii S. et al. *Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring of economic situation in Russia: Trends and challenges of socio-economic development].
URL: https://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2019_9-92_June.pdf (In Russ.)

19. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. [Russian Economic System: Specific Nature of Property Relations and of Intracorporate Management]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Theoretical and Practical Aspects of Management*, 2014, no. 10, pp. 8–17. (In Russ.)
20. Freeman R.B. War of the Models: Which Labour Market Institutions for the 21st Century? *Labour Economics*, 1998, vol. 5, iss. 1, pp. 1–24. URL: [https://doi.org/10.1016/S0927-5371\(98\)00002-5](https://doi.org/10.1016/S0927-5371(98)00002-5)

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.